

ГЕРМАН ВЛАСОВ
МУЗЫКА ПО ПРОВОДАМ

Аннотe

МОСКВА

2009

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц

Главный редактор серии Андрей Тавров

Оформление серии Валерий Земских

Герман Власов.

Музыка по проводам. Книга стихотворений / Серия «Русский Гулливер». — М.: Центр современной литературы, 2009. — 64 с.

Выпуская «Музыку по проводам» Германа Власова, «Русский Гулливер» обращается к традиционным авторам, к тем, кто осмелился писать стихи, которые волнуют, вместо стихов, за которые хвалят. На фоне «нейтральной культуры» появление таких книг несомненно должно быть замечено читателем, несмотря на утрату общих критериев в критике и безразличие экспертного сообщества к тому, что, на наш взгляд, бесспорно. Поэтика Власова органична, хаос существования преодолен, стиль находится в постоянном становлении, хотя его волевые черты, эмоциональная насыщенность и музыкальность узнаваемы с первых строк, что позволяет говорить о сформировавшемся «голосе поэта».

© Г. Власов, 2009

© Г. Кружков, предисловие, 2009

© Русский Гулливер, 2009

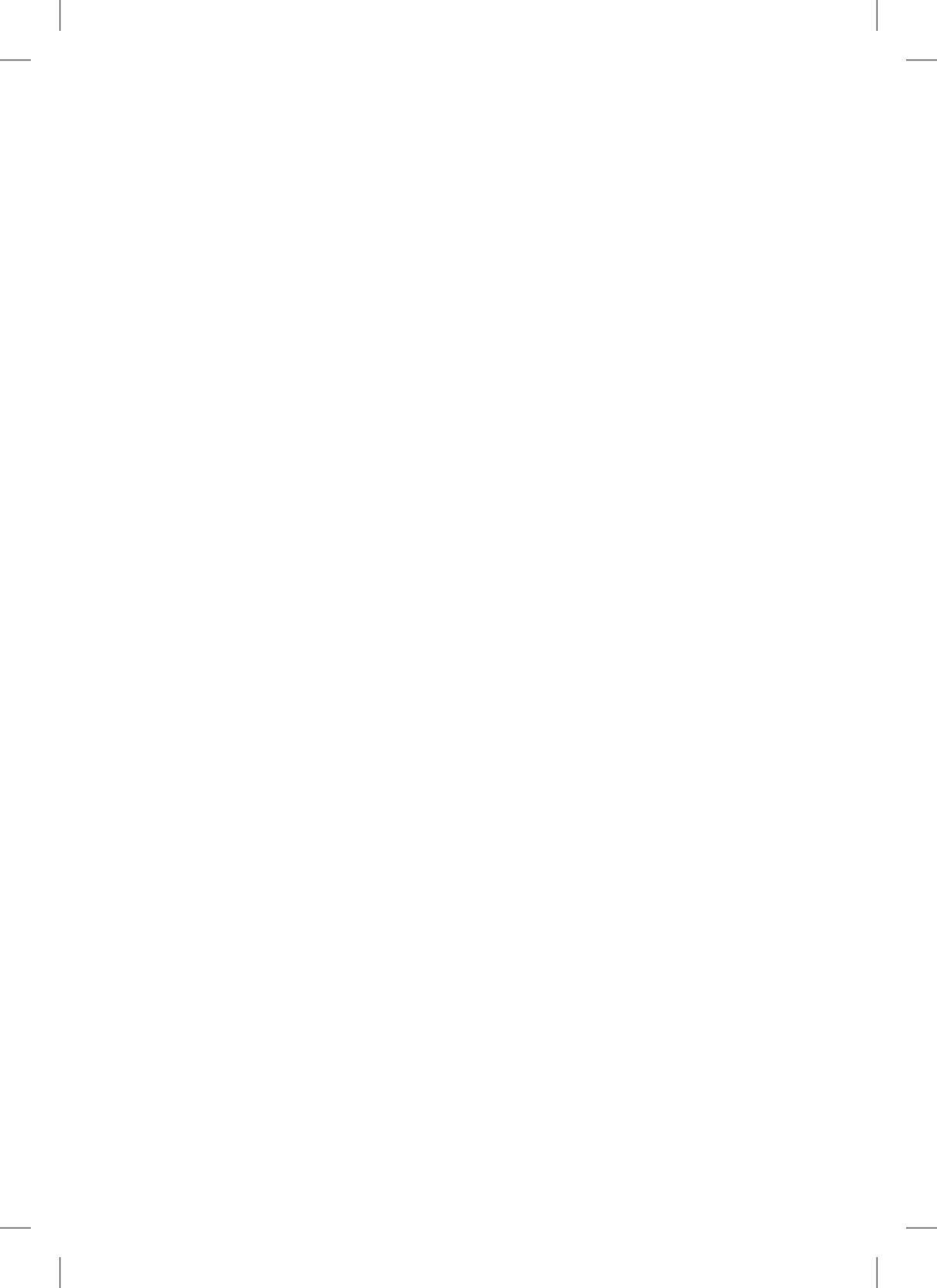
© Центр современной литературы, 2009

ISBN 978-5-91627-030-3

об авторе

Герман Власов родился в Москве. Закончил филологический факультет МГУ. Работает переводчиком. Стихи печатались в журналах «Знамя», «Континент», «Волга», «Новый Берег», «Крещатик», «Дети Ра» и др. Автор поэтических сборников «1 1/2» (М.: Культурный фонд, 1998), «Второе утро» (М.: Эра, 2003), «Просто лирика» (М.: Из-во Руслана Элинина, 2006), с которой вошел в шорт-лист Бунинской премии. Дипломант Международного литературного Волошинского конкурса (2007).

В новой книге собраны стихотворения последних лет.

СОН ПРОСТОГО ЧЕЛОВЕКА

Нет ничего важнее смелости. Поэт — беспечный дуэлянт, поплеывающий вишневыми косточками под пистолетом судьбы. Стих — яблоко Вильгельма Телля, слушающее веселый посвист времени.

«Вкус березовый голос любимый / леденцовое сердце в груди...»

Конечно, так может сказать только поэт. Не подражатель в краденном пиджачке на плечах, не растерявшийся, сбитый с толку модернист, мечущийся очумелым зайцем по кочкам современности, — а человек, услышавший однажды свою ноту и пошедший за ней, увидевший сон и поверивший ему.

Я не знаю, как назвать то лирическое направление, к которому можно отнести стихи Германа Власова, но это, безусловно, каталомбная поэзия, своего рода «христианство» (то есть самоограничение) в мире языческой экспансии вещей и страстей.

... живи, спасайся понемногу,
расти детей, люби цветы
и, убоявшись наготы,
покрой главу, ревнуя к Богу, —
не обещаю, что будешь весь
в отеческих ладонях взвешен, —
но отметаю юдоли лесть,
и приношу, как смирну, весть
сирени, яблони, черешен.

Чувствительность, растроганность, умиление свойственны этим стихам. Инстинктивное желание спрятаться от мира в мире простых вещей — чашек, ледышек, словарей, цветка в стакане, воробьиного пуха. Притяжение по родству — к «ветхой простоте» Светланы Кековой, к жалостливым ангелам Венечки Ерофеева. Важная роль форточки, как средства сообщения с наружным миром (как

тут не вспомнить Пастернака — «в кашне, ладонью заслоняясь»). Детскость этого «леденцового сердца» — детский испуг, «детская веселость», поля «в детской зеленке». «Все большое далёко разवेять, из глубокой печали восстать...» (Мандельштам).

Готовность склониться в чужую тень, приступы одиночества.

Утешит человека
Не божия, но женская рука.

Поиски необходимой сердцу идиллии, вечная надежда обрести ее в природе.

Зимую зябнуть, летом ворковать.
Под яблоней себе стелить кровать,
и облака считать на небе синем.
Чем мы не птицы, чем не сизари?

8 *Напруганный взгляд поэта, отмечающий в деревне — шарик, отвинченный с эмалированной кровати, по-жабьи раскрытый кошелек, гладкость ландышевого листа, на поминках — «шатающиеся чужие стулья». Гармония, достигаемая в соединении будничных вещей, — и не только в защищенном микрокосмосе комнаты, но и, например, в хаосе лужковской Москвы.*

На родине носят пальто и платки,
в растроганном небе волос завитки,
глаза, полудетские губы,
на родине дальней и грубой.
Ещё назиданья, сугробы и псы,
унылые зданья и звуки попсы
Германии или Ямайки,
а рядом — рука попрошайки.
Весна и в ресницах кошачьих ветла,
затёртая книжка, округлость стола,
страница, отмечено красным.
А в форточке — влажно и ясно.
Гуляют ручьи, растворяется страх,
прозрачные руки берут за рукав,
за хлястик и в спину толкают.

Наверно, погода такая,
что я, как блаженный, сощурясь хитро,
иду на пустырь, где копают метро,
и пахнет родною и дикой,
прозрачной ещё Эвридикой.

Таковы некоторые черты этой поэтики — в чем-то весьма старомодной (несмотря на отсутствующую во многих стихах пунктуацию), в чем-то метасовременной — то есть перешедшей моду, ушедшей дальше. Может быть, именно туда и пролег путь современной души — не к бешеным центрифугам успеха и гордыни, испытывающим ее на разрыв, а к соседнему скверу, где нас снова ждет на скамейке бедная Лиза?

Г. Кружков

* * *

блочный дом многоэтажный
вечер в снежной мошкаре
он идёт походкой важной
тянутся за ним тире
после стольких послевкусий
несерьёзных разных драм
веришь Господи Иисусе
в музыку по проводам
с жизнью свыкшись на Голгофе
трёшь забывчиво ладонь
и дарёный ставишь кофе
на сиреневый огонь
холодом спинным нечастым
оттого что снег идёт
посещает его счастье
счастье за душу берёт

* * *

из стеклянного горла боржом
было душно и рамы гнилые
вновь запахи воскресным дождём
и жильцов отселённых немые
догоняли шаги за плечо
робко трогали шёпот в затылок
жаркий вечер где быт увлечён
хрипотой граммофонных пластинок
дольше музыки песня плыла
раскрывались коробки и розы
но сбивалась от польки игла
и душили участия слёзы
и стояла за этой спиной
за другой ли в проёме у двери
тишина с прямою земляной
в краткосрочное счастье не веря
повторений искала она
и нарочно игла оступалась
а до кромки великого сна
оставалось ещё оставалось

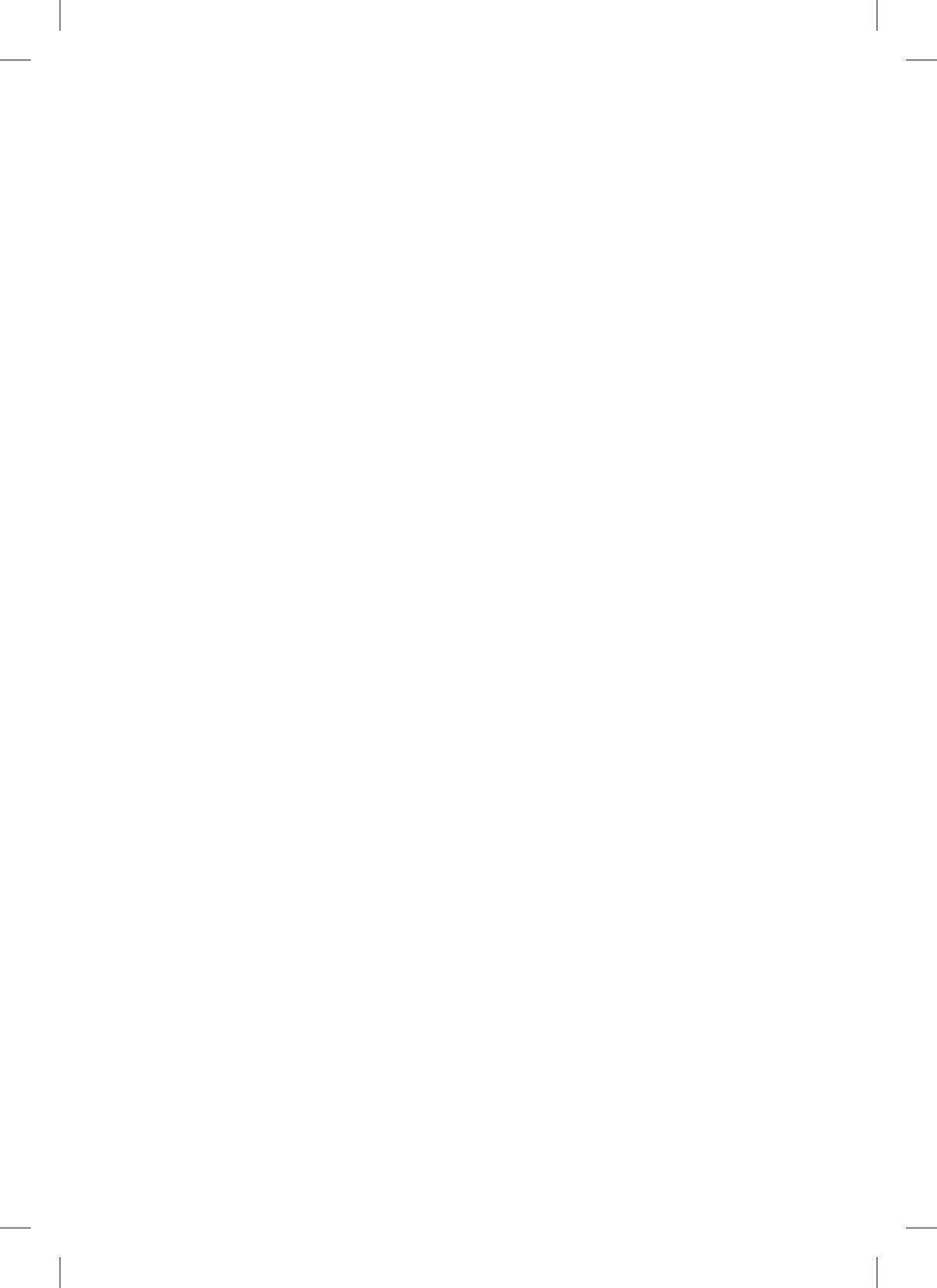
* * *

Вен. Ерофееву

отрывной календарь иждивенец
заучил от зимы до зимы
чтобы смог утешительно немец
обозначить указкой холмы
перелески плакучие ивы
да пакгауз некрашен и ржав
что глядишь за окошко пугливо
чемоданчик картонный прижав
высыхает слеза комсомолки
веселит ханаанский бальзам
а в прокуренном тамбуре волки
знай выводят своё аз воздам
всё смешалось в ночную крушину
звёзд рубины сорвались с орбит
и козловского голос машинный
имя станции проговорит
имя музыки перьев ли пальцев
крошки белой на восемь вершков
спите ангелы не просыпайтесь
до последних моих петушков

* * *

вот котлован где сад нам обещали
где мы слонялись с личными вещами
вдыхали щипучие креозот
O₂
улав
азот
есть разница дышать где этой смесью
дневальный тумбочка записки из предместья
подполья то есть даром путь домой
лети петит немой
запальчивы и молоды мы были
уже влюблялись и ещё любили
весны руины чудо задарма
одна игра ума
сегодня стали злей и веселее
крути шарманщик ручку лотереи
холст движется аляповат эдем
где нет меня совсем

* * *

Р. Светловой

Как сад стремительно ветшает,
как тучи серые спешат,
как мыши полевые шарят
по даче с выводком мышат
озябших, неуёмных, сырых.
Как жалко ставить под комод
подобье гильотины с сыром.
А может, к вечеру возьмёт
и распогодится? И ясной
проступит запад полосой,
и солнце сентября, что ястреб,
на окна бросит взгляд косой.
И бабье лето будет длиться —
как женщина, отъезда блажь
забудет и на половицы
поставит собранный багаж.
И две, а то и три недели —
живи, не разнимая рук.
Но ветер гнёт в коленях ели.
И дождь, и плачет всё вокруг.

BEAUJOLAIS NOUVEAU

Умнее осень суеты:
вино и груши — не цветы
обрадуют порой угрюмой,
когда, несвежи, нечисты,
срываются, летят листы
и падают. Достань из трюма
холодного на кухне сей
вина, дождись своих гостей
иль музыки ветреной прихода —
гораздо ближе новый год
и светочи иных высот
в сырую, тусклую погоду
нелепым улыбнутся нам,
растерянным по временам.
Наутро про тебя расскажут,
что с музой пил на брудершафт,
что видел музыки ландшафт,
что, может, был поэтом даже...

* * *

Живёшь навзрыд, а плачешься втихую.
Как раскусить гармонию такую...
снаружи август, а внутри тоска
незримо зреет ядрышком ореха,
прорехой вечности. Утешит человека
не божия, но женская рука.
Пройдёт по волосам, обманет снова,
но различима осени основа:
сторевающий дом, а через крышу храм
побеленный. И всякий пьян и молод,
и строится в потёмках старый город,
и нищета гуляет по дворам.
А где-то есть гармония на свете,
шаги в густом, медовом этом лете, —
и красота доступная проста.
Паук плетёт из живота седую
раздвоенную прядь, и ветер дует
глухие ноты с чистого листа.

* * *

Уедешь ли в тьму-таракань,
где ландыши с гладкою кожей
и град барабанит в лохань,
на тютчевский крик не похожий.
Бумагу достань, словари,
косись на пузатые полки.
На Волге большой соловьи
твердят и твердят без умолку.
Там шарик отвинчен один
с эмалевой спинки кровати,
и ходят в избу-магазин,
и носят толстовки на вате.
Посуду стеклянную впрок
собирают и мелочь слепую,
по-жабьи раскрыт кошелёк,
и мелочь бежит врассыпную.
Уедешь ли — не навсегда —
в начале слезливого мая.
А хочется: с неба вода,
огнём хулиганя, играя,
ударит небесный плавник
и тютчевский слышится крик...

* * *

А. Анашкину

Зимою зябнуть, летом ворковать.
Под яблоней себе стелить кровать,
и облака считать на небе синем.
Чем мы не птицы, чем не сизари?
Стекло высокой спицей отвори —
оттуда хлынет воздух абиссиний.
Увидимся. Мой маленький пилот,
возьми конфету мятную в полёт.
Над голубятней давешней, у клуба
они летят, кружат — рука в руке.
Зачем гадать? Мы спустимся к реке,
соседка повзрослевшая, голуба.
Ах, август, ты — собрание щедрот.
Зевнув, старуха мелко крестит рот
и, разомлев, от зноя засыпает.
А дети держат голубя в руках,
без умысла витают в облаках,
и по клеёнке шарики катают.

* * *

Стоишь на летнем сквозняке,
в дверях и небо молодое,
и держишь книжицу в руке
Светланы Кековой. В строке —
плач иволги и козодоя
высокий щебет. Здесь и там
согласье редкое. Однажды
угомонится гул и гам,
и под ватагу детских гамм
влетит журавликом бумажным
догадка ветхой простоты:
живи, спасайся понемногу,
расти детей, люби цветы
и, убоившись наготы,
покрой главу, ревнуя к Богу, —
не обещаай, что будешь весь
в отеческих ладонях взвешен, —
но отметай юдоли лесть,
и приноси, как смирну, весть
сирени, яблони, черешен.

* * *

На родине носят пальго и платки,
в растроганном небе волос завитки,
глаза, полудетские губы,
на родине дальней и грубой.
Ещё назиданья, сугробы и псы,
унылые зданья и звуки попсы
Германии или Ямайки,
а рядом — рука попрошайки.
Весна и в ресницах кошачьих ветла,
затёртая книжка, округлость стола,
страница, отмечено красным.
А в форточке — влажно и ясно.
Гуляют ручьи, растворяется страх,
прозрачные руки берут за рукав,
за хлястик и в спину толкают.
Наверно, погода такая,
что я, как блаженный, сощурясь хитро,
иду на пустырь, где копают метро,
и пахнет родною и дикой,
прозрачной ещё Эвридикой.

* * *

божись лисенок большеротый
мой самый лучший домовой
опять на месяца зевоту
рожок настраиваешь свой

и прогоняешь вон из дудки
ленивых муравьев тоски
и выдуваешь незабудки
снежинки на мои виски

и ты ушастый ты услышишь
не только музыку окрест
в ней ветер греется о крыши
и тишину из окон ест

но многое что ветер гонит
в неумолкающий закат
я буду тих и непреклонен
пройти чистилище и ад

пока твой ад не обветшает
и сам себя не растворит
пока твой ветер не узнает
о ком сегодня говорит

и сам себя переполняя
не обернется в рыжий гром
зародыш большеротый рая
лисенок ветра метроном

* * *

песок и йод а из песка
часовня всех святых
и встреча влажная близка
в ветвях перевитых

так черный вылизан песок
полудня ровен жар
что встать осталось на мысок
как девочка на шар

и руки к солнцу заломав
глядеть куда-то вбок
где ульем лепятся дома
и улиц рвут клубок

и в жидком воздухе снуют
стрижи удивлены
и легкий строится уют
из пыли и слюны

* * *

А. Переверзину

добираясь заполночь в выхино
только снегом жива душа
друг похожий на разумихина
там огрызком карандаша
что-то чертит насквозь нарядное
но стучуется и начнет
гулко хлопать дверьми парадное
как шампанское в новый год
едут лифтом к нему бездельники
без его языка глухи
обязательны как понедельники
потекут из углов стихи
речи держат шуты искусные
филин косится свысока
не бросай карандаш обкусанный
ручку стилус от кпк
но рисуй карнавал танцующий
еще резче ярче больней
и теней напусти и ту еще
у окна и окно за ней

* * *

не бывало такой еще снежной
ночи снежной не будет такой
где в окошке как темный подснежник
ты одна подперевшись рукой

изучая не белую смуту
шелк ли марлю в огнях фонарей
и наверное в эту минуту
жарко пышет чугун батарей

а внутри в полумраке хрущевки
неподвижные вещи блестят
и в углу по веленью золотки
раздается шуршанье котят

и в щербатое чайное блюдце
ты на кухне нальешь молоко
и подумаешь пусть остаются
утро будет светло и легко

* * *

памяти тесно пряжей стала пятном
вроде холста хоть кистью води пиши
валит и валит снег за твоим окном
вроде бы ночь на улице ни души
ртутные лампы рыжи в три сотни ватт
кто мне дорогу к дому ну правда кто
первым протопчет первым сквозь снегопад
наискосок в варежках и пальто
валит и валит лбом приложусь щекой
глядя вперед двадцатый уже январь
я и сегодня здесь и сейчас такой
только бы снег только б горел фонарь

(РАБОТА НАД ОШИБКАМИ)

локтей не отрывая выводи
железо теплых кровель мостовая
и липкий пот и воробей в груди
так бережно локтей не отрывая
а только нажимая на перо
уже на пыльной улице двоятся
пиннокио мучительный пьеро
и кто-то в шляпе а тебе двенадцать
неполных лет ошибки исправляй
линейкой клеткой дух чистописанья
тебя ведет и не звенит трамвай
кругом немые книги а не зданья
на красной нитке светофор повис
не пригород а тихая больница
ты ставишь точку и сбегашь вниз
во двор и незатоптанный дымится
окурок и нигде не видно птиц
но за твоей спиной уходит лето
и ровный почерк и сверканье спиц
орленка школьника уже не важно это

* * *

Трамвай с ладошкой на мерзлом
окне, малиновый снегирь
у остановки на колхозном —
всё это память-поводырь
по научению минует
на расстоянии руки.

Я слышу музыку иную -
гудки, трамвайные звонки.
И cedры вкус, и свежей хвои -
наверно, скоро Новый год.
Я никого не беспокою -
свободной правою рукою
нащупывая переход.

И группа лиц в пальто похожих,
косясь, смеется надо мной:
я — иностранец, я - прохожий,
слепец с чувствительною кожей —
какой-то валик восковой.

* * *

Щедрот особых не проси,
побереги, Живаго, нервы.
Есть чай, консервы иваси,
другие рыбные консервы.
Немного сыра, сигарет
с полпачки — это что-то значит.
Невозвращённый есть билет,
читай, надежда на удачу.
Пусть зыбкую, пусть с волосок,
с улыбку месяца, допустим.
С ушко иглы. Наискосок
по выселкам и захолустьям
проходит дождь, а мы живём,
включив пузатый холодильник.
Всё к лучшему. Когда встаём,
на сколько завести будильник?

* * *

А. Цветкову

крым или где там песком ступни обжигая
до тошноты биплан трясет с алой полоской
слабый в тучах просвет словно сабля джедая
в мерзлом кружке выплывший полуостров

дядя в рейтузах слепец счетовод в панаме
детям вкусившим всю сухомятку поездки
дали кульки последний прижался к маме
но приземлились позывы стали не резки

марлевый невод в лохани суп из креветок
и костерок в узловатых ветвях проворен
бражниц искали и тонких и белых веток
ночи язык душист и по-южному черен

флюгер трещал серебристы стебли полыни
пыль остановки жара шелуха под лавкой
если и что оставил я на Украине
не мотылька наколотого булавкой

не заграница и речи нет об отчизне
но самолет песок море и покрывало
ветер и свет и привкус соленый жизни
ветер и свет и разве этого мало

(ПОПЫТКА СУХИНИЧЕЙ)

заснуть себе помещиком херсонским
держа удел в поплывшей голове
большое испуганное солнце
и ящерок в траве

так долгод свет на камешки сухие
на тутах пыль к ручью заломлен тын
когда бы не сухиничи ночные
опять не прав бахтин

стоит перрон на вывод спят личинки
прекрасна тяга к перемене мест
устав от стука пишущей машинки
никто тебя не съест

обходит слева череда из кукол
зверей и фей но к югу головой
в дорожной простыне лежи укутан
лежи себе травой

жаре на убыль в сумерках невнятный
залетный дождь асфальт в блестящих пятнах
бубнит пускай в окно пускай идут
лежачего не бьют

* * *

говорю обожди еще серая шейка
вот согреются ветры взволнованным шейком
и пойдешь мимо луж в колеях за ворота
и мазаю помашешь крылом или кто там

посмотри говорю непослушная холка
в узкой пряжи в ледышках все крыши поселка
ночью был близорук но такое бывает
тает снег золотистым руном убывая

две недели от силы еще остаются
прогремит и на улицу ведра и блюдца
будут в детской зеленке поля и делянки
как тебе говорил михалков ли бианки

будет рыжая глина и теплые плесы
босоноги дожди полосатыми осы
вот тогда уходи в сероглазые выси
от собачьей дележки и участи лисьей

я и сам бы ушел вдоль забора рогатин
большаком ли подлеском за мутные гати
перевоз оплатил бы двуглавой монетой
без особенных слез без оглядки да где там

* * *

манежа окна слуховые
в нескучном брошенный букет
я не жил здесь в сороковые
как нумизмат гляжу на свет

хочу нащупать эту ноту
немое посмотреть кино
так глядят темную банкноту
изъятую уже давно

и если время гул случайный
грязь от армейских колесниц
пускай мне выпадет опальный
расплющенный между страниц

истории цветков сирени
и долгий завершая путь
всей тяжестью стихотворений
шагнет на грудь

* * *

не нравится когда не протолкнуться
кругом бензина вонь воротнички
зачем они к баранке потной жмутся
на красный черно-белые бычки

кто их на воздух вынул из коробки
погнал из леса в город как в прогал
потом обратно где у речки робки
малиновки заслыша мадригал

мне с ними никогда не быть на пару
но я боюсь их встретить на пути
их голоса блатные и гитару
притворное в черемухе пусти

зачем они и я зачем о лишнем
и почему забывчив как адам
и этот снег нечаянно налипший
к чужому счастью будто к проводам

* * *

еще сушили целлофан
мышами пахла коммуналка
лез в подстаканники стакан
и персефону было жалко

старались думать про тепло
упрятав руки в одеяло
из крана медного текло
минутам суток было мало

в казенной комнате ни зги
вид поздней осени с балкона
но туфли женские шаги
живая спутница плутона

и если он как темный конь
как товарняк и с нефтью поезд
она несла в себе огонь
затягивала туже пояс

и если начинался ад
и сильные сирены пели
она делила на недели
с кавказа присланный гранат

* * *

сдать квартиру уехать на дачу
всё равно о тебе говорят
взгляд случайный и кофе горячий
да в палатках инжир виноград
собеседник подвыпивший лишку
курс обменный внимательный слух
записная и черная книжка
воробьиный на воздухе пух
переходик сколоченный крепко
новостройка мешалки бока
праздник пива лужковская кепка
и разогнанные облака
сесть на даче пейзаж наблюдая
помолчать раствориться нигде
вот карасиков стайка седая
ходит в мутной и быстрой воде
милый мрак надвигается скоро
янтарем налился лунный глаз
тихо всё и родные просторы
неродные уже через час

* * *

я на глади китайского шелка
нарисую зубастого волка
паровозик рябины в снегу
ученицу с пластмассовой лейкой
пастуха с деревянной желейкой
потому что терпеть не могу

в парке дети гуляют без пары
мне такое шептали стожары
рассказать улетит будто пар
номерок на ладони нечеткий
даже царской не вытравишь водкой
оттого-то и в мыслях пожар

я к осенней рябине ревнуя
я к продленному дню аллилуйя
закричу слышишь не уходи
паровозик желейка рябины
вкус березовый голос любимый
леденцовое сердце в груди

а что мощные мчатся машины
а что манят хибины вершины
это всё не уйдет подождет
видишь сад в октябре умирает
на глазах облетает сгорает
в кулаке сигареткою жжет

* * *

поднимает глаза в потолочек
нежный к носу к подносит платок
сколько в люстре отмечено точек
насекомых невидимых почерк
и воды неперменной глоток

объяснение с высоким супругом
узкий в смокинге красный как флюс
душно в залах открыли фрамугу
всё мигрень голова идет кругом
и шипящее не потерплю-с

доктор-немец предложены ванны
терпеливый под мятник чай
у теплицы где солнечно-странно
приговор одинокая анна
обрывает в сердцах молочай

время черною мчится каретой
спицы-стрелки упал жеребец
на жокея монокли лорнеты
не успеть в уходящее лето
пьеса сыграна лету конец

и хотя еще вздор и немодно
как на кухню послать бастордо
убежит от звезды путеводной
и на рельсы с глазами холодной
телом друбич прической гарбо

* * *

А. П.

В пять обязательно быть у Стрелки —
видеть окрестности за Невой:
у дебаркадера почерк мелкий
волн маслянистых, мундир немой

Адмиралтейства, его наружность,
крепости шпиль. И на склоне дня
старой Дворцовой пуста округность,
ветренный гид проведет меня.

В медную флейту проспекты дуют,
дробь выбивают особняки.
Серо-свинцовы дождя ходули,
северо-запад собрал полки.

В эти ли гиблые гати кану,
где безбородый родитель твой,
в лица твои и живые камни —
ангел расскажет с ручной стрелой,

чудом сюда залетевший с юга.
Так и остался век зимовать.
Влажный Неаполь - его подруга,
воздух уставшая целовать.

* * *

всё будет в особенном свете
закатной сплошной полосы
рука твоя вскинута эти
ручные на солнце часы

лучи обозначили темя
и шею в провале двора
прищурясь ты смотришь на время
где нам расставаться пора

и тени от кленов ломают
привычный пейзаж наяву
я только теперь понимаю
зачем в этом свете живу

таком непомерно красивом
что больше нельзя горевать
а солнце уйдет за крапиву
в слепой чернозем ночевать

* * *

Памяти Гумилева

коленька любил немытые овощи
африки даггеротипы и ржавые пистолеты
вырос коленька и не без божеской помощи
стал известнейшим путешественником и поэтом

у дверей парадного курсисток малым-мала
воздух праздности завоеванная свобода
чтение ронсара стриженная по-китайски голова
занимается пожар четырнадцатого года

две медальки за храбрость индонезия замбези
форфоровая скука взращивает сладкую кому
под конец библия шахматы глаза матросов в грязи
и рыбацкое солнце в невский садится омут

я всё это к тому что жизнь внимательно хороша
пока мотылек в грудной продолжает стеклянно биться
но останется аня а следом другая душа
сделается на время немым очевидцем

ближе к полуночи когда трамвай прочерчит дугу
выщербленные лица кариатид и атлантов
канавка сенная и сам иссакий в снегу
ничего не изменится порядок остался дантов

(ЧЕРЕМУХА)

в жизнь записали ребенком
дали к биноклю прильнуть
ливень черемуху комкал
ливня холодная ртуть
жизнь отдавала малиной
ластилась дружной семьей
билась звала окариной
всё это было со мной
а неумевшее сбыться
черной шарманкой поет
лица мелькавшие лица
редко манило твоё
счастлив одним напряженьем
этот душевный магнит
части слепое сближенье
белой черемухи вид
обморок перед прохладой
белые ветки прочти
оптики больше не надо
вот она рядом почти

* * *

заношили ставили на каталку
слушали слова на часы косились
жалко тебе маму жалко
так и не простились

потом кутью с теплою водкой
шатающиеся чужие стулья
была подробной а стала короткой
из мертвого улья

уйти оставить за собой панихиду
в мутном зеркале не мелькнув толком
плач устраивать почти по эврипиду
край скатерти комкать

лучше себя без умысла обозначить
урок сольфеджио сбор макулатуры
прямо под машину разноцветный мячик
у парка культуры

бог из машины а о чем горевать-то
лягушки и мыши ласточки и посевы
провод выдерну упаду на кровать я
мама ушла уходите все вы

* * *

эту в легких невесомость
зябкий этот пух в горсти
эту детскую веселость
словом не перевести

может музыка таиться
как забывчивый мотив
так охотника боится
иволга во власти ив

так материя не знает
царства ножниц и иглы
и пространство огибает
пряча острые углы

мы одни нам вместе спится
снится баюшки-баю
ворожея мастерица
у природы на краю

белый сон укутал реку
царство высохших хвощей
сон простого человека
весь словарь его вещей

* * *

в какой-нибудь мариуполь
где туча глядит совой
луна освещает тополь
бесменный как часовой

под лампой забиться в угол
к стеклу прислониться лбом
о этот крахмал и уголь
в вагоне почти любом

ледышку в окне царапать
стоять за крутой водой
в какой-нибудь мценск сарапул
саратов на край худой

уехать почти не глядя
собраться в один присест
простой перемены ради
знакомых работы мест

* * *

оранжевый ангел сутулый
над городом горьким завис
его загорелые скулы
ранетом лесным налились

он поднят с кровати метелью
ученый морщинистый грек
но девочкой над акварелью
он крестит немислимый снег

в кармане бечевка и ластик
простывшего времени гул
и смысла речной головастик
в его троеперстье скользнул

он водит метлой колонковой
и окна пускает в тираж
и ставит на крышах подковы
свинцовый его карандаш

(БУКЕТ)

хорошо бы какую посуду
на шкафу если встать на кровать
красоту принесли отовсюду
и не жалко ее обрывать

вот лохматое пламя сирени
одуванчики бронзой монет
незабудок теснят акварели
собирают на кухне букет

колокольчик герань луговая
лютик майника скошенный рот
и не страшно когда грозовая
на поселок армада плывет

хорошо что из разных названий
луговые растенья в воде
отменяют язык расстояний
значит места не будет беде

и наверное будет не страшно
если к ужину сослепу вдруг
с затаенной обидой вчерашней
в окна майский ударится жук

* * *

босые женщины дейнеки
теперь лодыжками сильны
ступают из варягов в греки
и в будущее влюблены

кантуют волокут и катят
а могут семечки лузить
чтобы касался круга катет
курил на пленуме грузин

пока им дела нет до пары
растут из проволок леса
ажурны будущим ангары
распуганные небеса

а вечером прийдя из тира
спецовку бросив на кровать
совсем иная перспектива
от ласки грубой умирать

старея становиться скушной
терять любимых зубы сон
но посмотри они воздушны
как строящий арго ясон

* * *

зато не стало разом комаров
унес сентябрь их маленькие души
и в амальгаме городских дворов
скупое солнце горестней и суше

назавтра вспыхнут клены так и знай
кармином свежеспянущею охрой
пестроязыких листьев урожай
покроет плац и занавесит окна

но не зови безлюдное тепло
не три глаза природе мокрой вторя
всё правильно всё было и прошло
в вечерний час в провинции у моря

* * *

завтра в замедленной съемке
желтая слива сарай
вспыхнуло облако кромкой
утки плывущие в рай

солнце пейзажик нарядный
жребий паучий высок
словно какой ариадны
липнет ко мне волосок

между ладонями в лето
речка и дымчатый шлейф
в воду монетка кометой
ты возвратишься не дрейфь

ветки сухие дымятся
сладок их приторный дым
с этим клубком не бояться
можно тебе и другим

бережный хворост и глянec
всё пожирает огонь
робкий осиновый танец
красный в подпалинах конь

* * *

природа всё равно своё возьмет
в окне вагона обнажатся дали
неспелая черешня свяжет рот
отложишь книгу пряжку от сандалий
поруговая к вечеру с реки
чуть лысоватый родственник с уловом
вернется и в панамах рыбаки
в каком-нибудь селении под львовом
мир дому твоему и ночью свет
и полная всему семейству чаша
природа всё равно а если нет
всё творчество её добыча наша
трава и рыбы ягода с куста
и быстрый сон и птиц ночное пенье
всё это существует неспроста
твоё переполняя удивленья

* * *

когда судьба столкнула лбами
два ощущения два родства
шли тучи с мокрыми губами
прогалин дыбилась листва
такое стало быть сегодня
когда увидел человек
дождь падал посленогодний
и прошлогодний таял снег
и крыши начинали плакать

когда лицом встречаешь ту
из воздуха живую мякоть
почти ладони теплоту
узнаешь после двух затмений
подъезда дверь толкнув плечом
жизнь только ряд стихотворений
а смерти не было ни в чем

* * *

кроватьные скрипы шаги болтовня
как будто бы не было вовсе меня
всё это чужие приметы
а есть еще пыльный сухой молочай
простывший с зеркальной пенкою чай
и легкие сигареты

офорт на стене где рыбацкий покой
каракули теплые детской рукой
в окне перезвоны трамвая
на ржавые кровли летит воронье
и горлица глупое сердце ее
и музыка горловая

так жили мы шороха не пропустив
вплетая в жилое пространство мотив
и радуясь если возможно
вот этой омеле за рамой двойной
крапивнице-бабочке длинной зимой
счастливым ознобом подкожным

* * *

*Т.Б.
«Паустовский пишет...»
Вал. Прокошин*

вот опять апрель где пестрит от птиц
где наверно буду опять
выбирать одно из десятка лиц
словно почерк твой вспоминать

где зеленый шум не согнуть в дугу
или обручи на воде
если теплый дождь - где опять смогу
пропадать неизвестно где

с этим долгим шелестом тонких лип
желтом свете со всех сторон
где ни шум ни шорох ни даже всхлип
или окрик других имен

пцицелова вешнего не отвлекут
по звонку не вернут назад
где смотреть на небо такой же труд
если видеть твои глаза

* * *

грубая фактура мел и сажа
воннегута верный перевод
для вороны только часть пейзажа
наш балкон где музыка живет

если на скопление бутылок
солнце свой наставило зрачок
или рядом в двух шагах непылок
пролетит по небу паучок

на какой-то домотканной нити
ариадны волосе седом
верную гармонию берите
и несите осторожно в дом

намотайте азбуку на палец
горькую природу утая
чтобы ожил имени скиталец
и росли на ветках сыновья

или в этой углой колыбели
насекомый свой умерив пыл
эмигранты памяти сидели
и корабль плыл

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сон простого человека (Г. Кружков)</i>	7
---	---

1

«блочный дом многоэтажный...»	12
«из стеклянного горла боржом...»	13
«отрывной календарь иждивенец...»	14
«вот котлован где сад нам обещали...»	15

2

«Как сад стремительно ветшает...»	18
Beaujolais Nouveau	19
«Живёшь навзрыд, а плачешься втихую...»	20
«Уедешь ли в тьму-таракань...»	21
«Зимою зябнуть, летом ворковать...»	22
«Стоишь на летнем сквозняке...»	23
«На родине носят пальто и платки...»	24
«божись лисенок большеротый...»	25
«песок и йод а из песка...»	26
«добираясь заполночь в выхино...»	27
«не бывало такой еще снежной...»	28
«памяти тесно пряжей стала пятном...»	29
(работа над ошибками)	30
«Трамвай с ладошкой на мерзлом...»	31
«Щедрот особых не проси...»	32
«крым или где там песком ступни обжигая...»	33
(попытка сухиничей)	34
«говорю обожди еще серая шейка...»	35
«манежа окна слуховые...»	36
«не нравится когда не протолкнуться...»	37
«еще сушили целлофан...»	38
«сдать квартиру уехать на дачу...»	39
«я на глади китайского шелка...»	40
«поднимает глаза в потолок...»	41

«В пять обязательно быть у Стрелки...»	44
«всё будет в особенном свете...»	45
«коленька любил немытые овощи...»	46
(черемуха)	47
заносили ставили на каталку...»	48
«эту в легких невесомость...»	49
«в какой-нибудь мариуполь...»	50
«оранжевый ангел сутулый...»	51
(букет)	52
босые женщины дейнеки...»	53
«зато не стало разом комаров...»	54
«автра в замедленной съемке...»	55
«природа всё равно своё возьмет...»	56
«когда судьба столкнула лбами...»	57
«кроватьные скрипы шаги болтовня...»	58
«вот опять апрель где пестрит от птиц...»	59
«грубая фактура мел и сажа...»	60

Герман Власов
МУЗЫКА ПО ПРОВОДАМ
Книга стихотворений

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Макет и верстка Валерий Земских

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

Подписано к печати 25.07.2009. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер., 12